Robert NOZICK

ANARCHY, STATE AND UTOPIA

Basic Books, Inc.
A Member of The Perseus Books Group

Роберт НОЗИК

АНАРХИЯ, ГОСУДАРСТВО И УТОПИЯ

Перевод с английского

Москва 2008

УДК 321.01
ББК 66.0
Н78

Редакционный совет серии:
В. Завадников (председатель),
П. Горелов, Дж. Дорн, М. ван Кревельд, Д. Лал,
Б. Линдси, Я. Романчук, Т. Палмер

Редколлегия: Ю. Кузнецов, А. Якимчук, Е. Болотова,
И. Комарова, А. Нагайцев, Е. Белова

Редактор серии Ю. Кузнецов
Перевод Б. Пинскер
Научные редакторы Ю. Кузнецов, А. Куряев

Нозик Роберт

Н78 Анархия, государство и утопия / Роберт Нозик ; пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. — М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с. (Серия «Политическая наука»)
ISBN 5-91066-007-0

Работа современного американского политического философа Роберта Нозика посвящена обоснованию неизбежности и справедливости существования «минимального государства». В качестве отправной точки автор рассматривает «естественное состояние» общества, в котором еще нет государства и действуют базовые этические нормы – право человека распоряжаться самим собой, присваивать никому не принадлежащие материальные объекты и добровольно обмениваться с другими людьми своим имуществом. Нозик доказывает, что государство, т.е. организация, обладающая монополией на насилие, может возникнуть из «естественного состояния» путем добровольного делегирования людьми первичных прав. Это государство будет иметь своей функцией исключительно защиту жизни и собственности граждан от насильственных посягательств. Всякое расширение его функций (в том числе создание институтов «социального государства») будет означать нарушение базовых прав и вести к отрицательным последствиям для общества. Все необходимые общественные функции, кроме защитной, должны осуществляться на основе добровольного сотрудничества. С момента выхода в свет книга Роберта Нозика приобрела статус классической и вошла в круг обязательного чтения для всех, кто изучает политическую философию и смежные дисциплины.

Она будет полезна специалистам в сфере политической философии, политологии, экономики, права, социологии, а также студентам и преподавателям соответствующих специальностей.

УДК 321.01
ББК 66.0

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 0-465-002270-6
ISBN 5-91066-007-0

© 1974 by Basic Books, Inc.
© АНО «Институт распространения информации по социальным и экономическим наукам», 2008

Оглавление

От издателя 9
Предисловие 11
Благодарности 17

Часть I

ТЕОРИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ, ИЛИ КАК ВЕРНУТЬСЯ К ГОСУДАРСТВУ, ДАЖЕ НЕ СТРЕМЯСЬ К ЭТОМУ

Глава 1. ЗАЧЕМ НУЖНА ТЕОРИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ? 21

Политическая философия 21
Объясняющая политическая теория 24

Глава 2. ЕСТЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ 29

Защитные ассоциации 31
Доминирующая защитная ассоциация 36
Объяснения с позиции «невидимой руки» 39
Является ли доминирующая защитная ассоциация государством? 45

Глава 3. МОРАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ГОСУДАРСТВО 49

Минимальное государство и ультраминимальное государство 49
Моральные ограничения и моральные цели 51
Зачем нужны жесткие ограничения? 54
Либертарианские ограничения 57
Ограничения и животные 60
Машина по производству личного опыта 68
Недоопределенность моральной теории 71
На чем основываются ограничения? 74
Анархист-индивидуалист 77

Глава 4. ЗАПРЕТ, КОМПЕНСАЦИЯ И РИСК 81

«Независимые» и доминирующее защитное агентство 81
Запрет и компенсация 84
Зачем запрещать? 86
Теории наказания: ретрибутивная теория и теория сдерживания 87

Дележ выход от обмена . . . 91
Страх и запрет . . . 94
Почему бы всегда не запрещать? . . . 100
Риск . . . 102
Принцип компенсации . . . 108
Продуктивный обмен . . . 115

ГЛАВА 5. ГОСУДАРСТВО . . . 121

Запрет для частных лиц на принудительное обеспечение справедливости . . . 121
«Принцип честности» . . . 123
Процессуальные права . . . 130
Как имеет право действовать доминирующее агентство? . . . 136
Монополия de facto . . . 144
Защищая других . . . 146
Государство . . . 149
Объяснение возникновения государства с позиции «невидимой руки» . . . 155

ГЛАВА 6. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ГОСУДАРСТВА . . . 157

Остановка процесса? . . . 157
Превентивный удар . . . 163
Поведение в ходе процесса . . . 169
Легитимность . . . 172
Всеобщее право наказывать . . . 177
Превентивное ограничение . . . 183

ЧАСТЬ II

ЗА ПРЕДЕЛАМИ МИНИМАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА?

ГЛАВА 7. РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ . . . 193

РАЗДЕЛ I . . . 194
Теория справедливости, основанная на титулах собственности . . . 194
Исторические принципы и принципы, основанные на конечном результате . . . 198
Калибровка по паттерну . . . 200
Как свобода разрушает калибровочные паттерны . . . 206
Аргумент Сена . . . 212
Перераспределение и права собственности . . . 214
Теория присвоения Локка . . . 222
Оговорка . . . 227

РАЗДЕЛ II . . . 232
Теория Ролза . . . 232
Общественное сотрудничество . . . 233
Условия сотрудничества и принцип различия . . . 239
Исходное положение и принципы, основанные на конечном результате . . . 249
Макро и микро . . . 257
Естественные преимущества и произвольность . . . 266
Положительный аргумент . . . 271
Отрицательный аргумент . . . 280
Коллективные преимущества . . . 284

ГЛАВА 8. РАВЕНСТВО, ЗАВИСТЬ, ЭКСПЛУАТАЦИЯ И Т.Д. . . . 291

Равенство . . . 291
Равенство возможностей . . . 294
Самоуважение и зависть . . . 298
Осмысленная работа . . . 307
Рабочий контроль . . . 311
Эксплуатация по Марксу . . . 314
Добровольный обмен . . . 325
Филантропия . . . 327
Право влиять на то, что вас касается . . . 331
Не-нейтральное государство . . . 335
Как действует перераспределение . . . 338

ГЛАВА 9. ДЕМОКТЕЗИС . . . 341

Последовательность и параллельные примеры . . . 342
Как получить государство, выходящее за рамки минимального . . . 345
Гипотетические истории . . . 358

ЧАСТЬ III

УТОПИЯ

ГЛАВА 10. РАМКА ДЛЯ УТОПИИ . . . 363

Модель . . . 363
Модель, спроецированная на наш мир . . . 374
Рамка . . . 376
Проектирование и фильтрация . . . 380
Рамка как общая основа для утопии . . . 386
Сообщество и государство . . . 390
Изменяющиеся сообщества . . . 393
Тотальные сообщества . . . 394

Утопические средства и цели 395
Как выглядит утопия 402
Утопия и минимальное государство 403

Библиография 407

Предметно-именной указатель 413

От издателя

Нашу серию «Политическая наука» продолжает работа американского философа Роберта Нозика (1938—2002) «Анархия, государство и утопия», оказавшая и до сих пор оказывающая значительное влияние на всю западную политическую философию и политологию. Вскоре после публикации в 1974 г. она принесла своему автору одну из самых престижных литературных наград в США — Национальную книжную премию (National Book Award) в номинации «Философия и религия» (1975 г.). Вскоре «Анархия, государство и утопия» вошла в список обязательной для чтения литературы для всех студентов, изучающих политическую философию. Она пополнила этот список вслед за вышедшей тремя годами раньше книгой Джона Ролза «Теория справедливости», с которой работа Нозика полемизирует. Но если «Теория справедливости» уже более десяти лет назад стала доступной русскоязычному читателю[1], то «Анархия, государство и утопия» приходит к нему только сейчас.

В своей книге Р. Нозик, используя философскую аргументацию, обосновывает политическую концепцию, которую мы в Европе обычно называем либерализмом (или классическим либерализмом)[2]. В соответствии с ней функции государства должны быть ограничены защитой жизни и собственности его граждан, а всякое расширение его функций за эти пределы не является морально оправданным. В качестве отправной точки для своих рассуждений автор берет то самое «естественное состояние», от которого отталкивались многие политические философы, определившие облик западной традиции, от Гоббса и Локка до Ролза и Бьюкенена. Р. Нозик со своим трудом органично вписывается в эту традицию.

К моменту выхода «Анархии, государства и утопии» классический либерализм считался на Западе устаревшей концепцией и имел сравнительно мало сторонников в академической среде. Несмотря на это, книга Р. Нозика была с интересом встречена и в целом принята в ученых кругах в качестве серьезной и «респектабельной»

---

1 Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995.

2 В Америке это политическое направление называют «либертарианством», чтобы не путать с «либерализмом», под которым за океаном понимают то, что у нас проходит под маркой правой социал-демократии или демократического социализма.

работы. Почему это произошло? Хотя тому наверняка есть целый ряд причин, но, по-видимому, две из них заслуживают упоминания в связи с выходом этой работы на русском языке. Во-первых, «Анархия, государство и утопия» стала предвестником и одновременно одной из вех того идеологического и политического сдвига, который произошел в странах Запада на рубеже 70—80-х годов XX в. и влияние которого мир в полной мере испытывает сегодня. Во-вторых — и это послужило одним из главных мотивов, по которым Редакционный совет серии решил включить в нее книгу Р. Нозика — эта работа является ярким примером применения современной аналитической философии в сфере политической мысли.

В последние годы российский рынок не испытывает дефицита в переводной философской литературе. Однако во всем этом массиве традиция аналитической философии занимает место, далеко не соответствующее ее реальному весу в современных философских исследованиях и среди издаваемых книг преобладают труды классиков, а не современных мыслителей. Что касается работ по политической философии, выполненных в этой традиции, то их выход на русском языке — исключительно редкое явление.

Поэтому, принимая решение об издании книги Р. Нозика, мы стремились не только донести до русскоязычной аудитории одну из фундаментальных современных работ по политической философии, но и продолжить знакомство нашего читателя с одной из основных философских традиций нашего времени. Можно соглашаться или не соглашаться с выводами автора, но изучение применяемого им интеллектуального аппарата, несомненно, будет полезным любому специалисту в сфере философии и общественных наук.

Валентин ЗАВАДНИКОВ,
Председатель Редакционного совета
Октябрь 2007 г.

Предисловие

Люди обладают правами, и поэтому есть действия, которые не может совершать по отношению к индивиду ни отдельный человек, ни группа лиц (без нарушения этих прав). Так как эти права весьма обширны и строго определены, то возникает вопрос: что могут сделать, если хоть что-то могут, государство и его должностные лица? Какое пространство оставляют права индивида государству? Центральная тема представляемой книги — природа государства, его легитимные функции и их оправдание, если таковое существует. В ходе исследования мы затронем множество самых разных взаимосвязанных вопросов.

Наши главные выводы относительно государства состоят в том, что оправдано существование только минимального государства, функции которого ограничены узкими рамками — защита от насилия, воровства, мошенничества, обеспечение соблюдения договоров и т.п.; что любое государство с более обширными полномочиями нарушает право человека на личную свободу от принуждения к тем или иным действиям и поэтому не имеет оправдания; и что минимальное государство является одновременно и вдохновляющим, и справедливым. Из этого следуют два важных вывода: во-первых, государство не должно использовать аппарат принуждения ради того, чтобы заставить одних граждан помогать другим, и, во-вторых, государство не должно запрещать какие-либо виды действий людей ради *их* блага или *их* защиты.

Несмотря на тот факт, что такая точка зрения исключает лишь принудительные пути достижения этих благих целей, а добровольные признает, многие люди без промедления отвергнут наши выводы, поскольку *не хотят* принять подобное бесчувственное отношение к нуждам и страданиям других. Я знаком с подобной реакцией; я сам отреагировал точно так же, когда впервые столкнулся с этими взглядами. Но, не без внутреннего сопротивления, в результате размышлений и изучения аргументов, я стал приверженцем этих взглядов, которые теперь принято называть либертарианскими. В этой книге очень немногое указывает на мое прежнее неприятие. Вместо этого в ней большое количество рассуждений и доводов, которые я стремился представить насколько возможно убедительно, из-за чего рискую нанести двойную обиду: излагаемой мною позицией и тем, что я привожу аргументы в обоснование этой позиции.

Вы не найдете в этой книге моего былого неприятия, потому что оно исчезло. Со временем я привык к этим взглядам и выводам

из них и теперь рассматриваю сферу политики через их призму. (Не следовало ли мне сказать, что они позволяют мне видеть *сквозь* сферу политики?) Поскольку многие из тех, кто занимает сходную позицию, отличаются узостью и жесткостью взглядов и — парадоксальным образом — преисполнены негодования по поводу более независимых способов мышления, я, после разработки естественных следствий из моей теории, оказываюсь в дурной компании. Я не в восторге от того, что большинство людей, которых я знаю и уважаю, расходятся со мной во взглядах, поскольку вышел из возраста, когда получаешь довольно сомнительное удовольствие от факта, что можешь ошарашивать или раздражать людей убедительными доводами в пользу того, чего они не любят или даже не переносят.

Я пишу, придерживаясь того стиля, в каком пишутся многие современные философские работы по эпистемологии или метафизике: предлагаются детально проработанные аргументы, для опровержения утверждений используются вымышленные контрпримеры, приводятся неожиданные тезисы, головоломки, абстрактные структурные условия непротиворечивости, предложения построить другую теорию, объясняющую определенный набор частных случаев, парадоксальные выводы и т.п. Хотя, как я надеюсь, все это представляет интеллектуальный интерес и доставляет удовольствие, некоторые могут счесть, что истина в области этики и политической философии слишком серьезна и важна, чтобы добывать ее с помощью таких «дешевых» приемов. Тем не менее вполне возможно, что в этике понятие истинности заключается совсем не в том, в чем мы привыкли думать.

Для кодификации уже существующих взглядов или разъяснения общепринятых принципов можно обойтись без развернутых аргументов. Считается, что для опровержения иных взглядов достаточно просто указать на то, что они противоречат тем, которые читатель в любом случае склонен принять. Но взгляды, расходящиеся с мнениями читателя, не могут быть обоснованы лишь указанием на то, что общепринятые *им* противоречат! Напротив, необходимо подвергнуть существующие воззрения строжайшей интеллектуальной проверке и испытанию с помощью контраргументов, придирчивого исследования исходных посылок и моделирования ряда возможных ситуаций, применение к которым этих представлений приводит к выводам, неприемлемым даже для их поборников.

Но и тот читатель, которого не убедят мои доводы, обнаружит, что в процессе отстаивания и обоснования своих взглядов он их прояснил и углубил. Более того, я склонен думать, что интеллектуальная честность требует, чтобы хотя бы изредка мы отвлекались на опровержение серьезных аргументов, противоречащих нашим

взглядам. Как еще мы можем защитить себя от упорствования в заблуждениях? Будет оправданным напомнить читателю, что интеллектуальная честность бывает опасна; аргументы, показавшиеся сначала просто занятными, могут вас переубедить и даже показаться естественными и интуитивно приемлемыми. Только отказ слушать гарантирует, что вы не будете пленены истиной.

Содержание представляемой книги состоит в приводимых конкретных аргументах, но здесь я могу кратко перечислить то, что ждет читателя на ее страницах. Поскольку я начинаю со строгого определения прав индивида, мне приходится серьезно рассмотреть утверждение анархистов, согласно которому государство, поддерживая свою монополию на применение силы и защиту всех людей, находящихся на его территории, не может не нарушать права индивида и поэтому аморально по своей сути. Опровергая это утверждение, я доказываю, что государство возникнет из анархии (понимаемой как естественное состояние, по Локку), даже если никто этого не захочет и не приложит к этому никаких усилий, причем этот процесс может не сопровождаться нарушением чьих-либо прав. Обосновывая этот главный тезис части I, мы затронем множество разных вопросов, например: почему нравственные представления включают внешние ограничения действий, а не ограничиваются целеполаганием; отношение к животным; причины того, что возникновение сложных структур лучше объяснять процессами, не являющимися результатом чьего-либо замысла; причины, по которым некоторые действия просто запрещаются вместо того, чтобы быть разрешенными при условии выплаты компенсации жертвам; несостоятельность теории наказания как устрашения; вопросы, связанные с запретом опасных действий; так называемый «принцип честности» Герберта Харта; упреждающее нападение и предварительное заключение. Эти и другие вопросы затрагиваются в ходе исследования природы и моральной легитимности государства и анархии.

Часть I посвящена обоснованию легитимности минимального государства. В части II доказывается, что государство с более обширным набором функций не может быть оправдано. Я доказываю, что разнообразные доводы, призванные обосновать необходимость бóльшего государства, не достигают цели. Чтобы опровергнуть утверждение, что такое государство оправдано необходимостью достичь или сохранить справедливость в распределении благ, я развиваю теорию справедливости (теорию прав собственности), которая не требует никакого расширенного государства, и использую аппарат этой теории для препарирования и критики других теорий распределительной справедливости, предусматривающих более, чем минимальное государство, и при этом особое внимание уделяю новейшей влиятельной теории Джона Ролза.

Подвергнуты критике и другие доводы, которые, по мнению некоторых, оправдывают государство с более широким набором полномочий, и в том числе аргументы, основанные на равенстве, зависти, рабочем контроле и марксистской теории эксплуатации. (Читатели, которым часть I покажется трудной, обнаружат, что часть II читается гораздо легче, а глава 8 проще главы 7). Часть II завершается гипотетическим описанием того, как могло бы возникнуть более, чем минимальное государство, цель этого описания — сделать такое государство достаточно непривлекательным. С другой стороны, даже если одно лишь минимальное государство является оправданным, оно может показаться довольно тусклым идеалом, вряд ли способным воодушевить человека или поднять его на борьбу. Для оценки этого утверждения я обращаюсь к исследованию наиболее вдохновляющей традиции общественной мысли — утопических теорий — и показываю, что единственное, что из этой традиции заслуживает сохранения, — это структура минимального государства. Доказательство включает сравнение разных методов формирования общества, моделирующих и фильтрующих устройств, а также представление модели, которая требует применения используемого в математической экономике понятия ядра экономики.

Мой акцент на выводах, отличающихся от того, во что верит большинство читателей, может навести на ошибочную мысль, что эта книга представляет собой своего рода политический трактат. Это не так; она представляет собой философское поисковое исследование вопросов, которые сами по себе чрезвычайно увлекательны и которые возникают в ходе исследования взаимосвязи между правами личности и государством. Слова «поисковое исследование» здесь не случайны. Одно из расхожих представлений о том, как нужно писать философские книги, выглядит следующим образом: автор должен тщательно продумать все детали сообщаемой концепции и все связанные с ней проблемы, затем оттачивает, шлифует текст и предъявляет миру завершенное, тщательно отделанное и элегантное целое. Я не согласен с этим. Как бы то ни было, я верю, что в нашей живой интеллектуальной жизни есть место и потребность в менее завершенных работах, содержащих наряду с главной линией аргументации также недоговоренности, догадки, открытые вопросы и проблемы, намеки, побочные соображения. Есть место для иных слов о предмете, кроме последних.

Действительно, меня озадачивает общепринятый стиль предъявления философских идей. Философские труды написаны так, будто авторы верят, что сказали о предмете последнее слово. Но было бы явной несправедливостью предположить, что каждый философ думает, что он, наконец, хвала Богу, нашел истину и окружил ее неприступной крепостью. На самом деле все мы

намного более скромны. И для этого есть веская причина. После долгих и упорных раздумий о том, что он предлагает миру, философ достаточно хорошо понимает свои слабые места — те места, где у большой интеллектуальной нагрузки слишком хрупкая опора, где его теория может начать рассыпаться и где могут быть обнаружены непроверенные предпосылки, в которых он сам не вполне уверен.

Есть форма философской деятельности, которую можно сравнить с попыткой размещения различных вещей в пределах некоего периметра заданной формы. Все эти вещи разложены перед тобой, и нужно каким-то образом поместить их в форму. Ты заталкиваешь материал в эту жесткую форму с одной стороны, а он вылезает с другой. Ты заходишь с другого боку, пытаешься опять, а пузырь вылезает в ином месте. В общем, ты нажимаешь, обрезаешь углы, чтобы вещи упаковывались плотнее, еще раз надавливаешь, и, наконец, почти все удается вогнать в форму; конструкция получается не слишком-то устойчивой, но все вроде бы оказывается на месте, а лишнее выбрасываешь подальше, чтобы никто не заметил. (В философии, разумеется, все не *настолько* грубо. Есть еще лесть и уговоры. И подобающая жестикуляция.) Наконец, нашелся ракурс, в котором все выглядит просто идеально, делаем мгновенный снимок, выдержку покороче, чтобы не успел возникнуть очередной пузырь. Теперь назад в темную комнату, чтобы еще разок пройтись по дырам, швам и неувязкам ткани периметра. После этого остается только опубликовать фотографию, чтобы все могли увидеть, как оно обстоит на самом деле, и отметить при этом, что никакая другая форма не обеспечивает такой прекрасной упаковки.

Ни один философ не скажет: «Вот здесь я начал, а здесь я закончил. Главная слабость моей работы состоит в том, что я пошел отсюда сюда. В частности, вот здесь самые заметные искажения, здесь пришлось поработать киянкой, здесь — подтесать, подтянуть, надавить и поджать, и все это пришлось проделать, чтобы добраться до места, не говоря уже обо всем, что пришлось выбросить, проигнорировать и спрятать от пристального взгляда».

Нежелание философов говорить о слабостях собственных идей — это, я думаю, не просто вопрос о философской честности и добросовестности, хотя на самом деле так оно и есть или, по крайней мере, так получается, когда включается самосознание. Подобное нежелание связано с задачей, которую решают философы, формулирующие свой взгляд на вещи. Почему они стремятся все впихнуть в одну заданную форму? Почему бы не использовать другую форму или, более радикально, почему бы не оставить все так, как оно есть? Почему нам так важно, чтобы все уложилось в заданную фигуру? Зачем нам это нужно? (От чего это нас